

ТАМАРА БОРЧИК,
ФОТО ИЗ АРХИВА ТАТЬЯНЫ МИХАЙЛОВОЙ

Быть матерью непросто. И у всех женщин путь к материнству разный. Одни ждут долгожданного момента, когда смогут обнять своего ребёнка, долгие 9 месяцев вынашивая его под сердцем, а другие находят сына или дочку в детском доме, беря на себя ответственность за будущее теперь уже своего ребёнка. Героиня нашего интервью, Татьяна Михайлова, стала мамой трижды — старшего сына она родила сама, а его младших сестрёнку и братика встретила в детском доме. И сейчас, спустя годы, она с уверенностью может сказать, что решение об усыновлении было ненапряжным.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

— Татьяна, расскажите немножко о себе.

— Я родилась далеко отсюда, в Сибири, в городе Кемерове. Занималась бизнесом, крупными поставками свежемороженой рыбы. Вообще, всё интересно так происходит — когда я была подростком, в школе мне пророчили педагогическую сферу, говорили, что моё призвание быть учителем. Но тогда были 90-е годы, когда окончила школу. Советский Союз перестал существовать, все пошли в бизнес, и, конечно, я не исключение. В 1995 году окончила институт по специальности «Технолог общественного питания», мечтала построить свой ресторан, была оптимисткой, меня называли бизнес-вумен. Так я жила до определённого момента, пока не переехала в столицу. Тогда мне было 30 лет, а моему сыну Паше — 7. Москва всегда тянула, манила, думала заработать деньги, найти призвание. Но с бизнесом в столице не получилось. Зато встретила любимого человека, вышла замуж, поэтому и осталась здесь жить.

— Сейчас Вы работаете в сфере образования. Что Вас сюда привело?

— Когда с бизнесом не получилось, было сильное разочарование, депрессивное состояние, и подруга мне сказала: «Пойдём в детский приют поработать!» Это сейчас наш детский реабилитационный центр «Забота». Им требовался замдиректора по хозяйственной части и безопасности. У меня тогда ещё не было педагогического образования. Я пошла туда работать и, соответственно, попала в эту атмосферу, где дети по каким-то причинам остались без попечения родителей — «статусные» дети, дети в трудной жизненной ситуации. Напрямую, конечно, с ними не работала, но это невозможно, когда небольшое такое предприятие, не зная судьбы этих ребят. И меня они сильно волновали, я не могла оставить всё это в рамках работы. Постоянно думала про них, хотя мне говорили: «Это твоя работа, отработала и иди домой». Но дети — это всегда тебя касается, особенно, когда знаешь их истории. Тяжело было, потому что ты смотришь на них — это маленькие взрослые люди. Они испытывали трудности, не достигнув какого-то психического взросления, они «покалечены».

— Там Вы и познакомились со своими детьми?

— Да, как-то я увидела девочку Лолу. Все говорят, что мы с ней очень похожи. Я понимала, что должна ко всем детям относиться ровно, но к ней у меня были особые, тёплые отношения. Мне было важно, как она делает уроки, во что одета. Покупала втихую для неё вещи и приносила кастаньянше. Тогда Лоле было 7–8 лет. Я начала за ней приглядывать, это было бессознательно.

— Когда Вы поняли, что хотите стать её мамой?

— Сказать, что это было принятое когда-то решение — взять из детского дома детей, не могу. Я думала, откуда могло прийти это желание усыновить — наверное, из детства. Все мы, воспитанные в Советском Союзе, особенно на фоне Великой Отечествен-

ной войны, воспитывались в понимании того, что нет чужих детей, что надо друг другу помогать — наверное, что-то такое и у меня было подсознательно. Я помню, лет в 10 маме сказала: «Почему я родилась в такое время? Надо было родиться в Великую Отечественную войну! Сейчас нет места подвигу! Вот, Зоя Космодемьянская — вот это жизнь!» Наверное, мы, воспитанные в то время, искали подвига, нам хотелось что-то стоящее в этой жизни сделать. И вот я увидела эту девочку Лолу и начала про неё узнавать. Выяснила очень трагичную историю их семьи — у них погибла мама, папу она не знала. Когда у меня зародились мысли об усыновлении, я узнала, что у неё ещё есть младший брат, Андрей. Но вопрос — брать в семью детей — сначала не стоял. Я не знала, как сказать об этом мужу, да и свой ребёнок, подросток, рос. Не сразу возникло это решение.

— Что подтолкнуло Вас к его принятию?

— К нам в «Заботу» приходил батюшка, проводил с детьми беседы религиозные на тему Бога, и Лола с Андреем изъявили желание покреститься. И сразу встал вопрос — кто будет крёстным? Кандидатов сначала было много, я, честно, не хотела. Почему? Потому что верующий человек и понимала эту зону ответственности. Дети — полные сироты. Значит, я должна стать их мамой — и взять на себя такой груз ответственности, конечно, на тот момент, всё-таки не была готова. Но батюшка поговорил со мной, объяснил, что крещение — это не значит, что мне надо детей домой забрать. В общем, я их покрестила. Да и на момент, когда этот процесс завершился, все остальные кандидаты в крёстные пропали. Крестили в нашей церкви Косьмы и Домиана, отец Виктор, как я помню. Дальше Лола с Андреем были в «Заботе», потом получили путёвку в детский дом в Истру. Очень далеко, почему-то так сложилось, хотя королёвских обычно поближе отправляли. Но по состоянию здоровья дети часто находились в Балашихе на лечении. Я начала туда ездить — не чужие уже, крестники. И вот поездка туда была для меня всегда радостью, я ждала этого дня, планировала подарки. А откуда приезжала, всегда плакала, но так, чтобы муж этого не видел. Как-то разговаривала с батюшкой и рассказывала ему, насколько мне это тяжело, а он: «А ты скажи мужу!» — «А если он не разрешит забрать детей, что мне тогда делать?» — «А ты скажи!»

— И Вы решились на этот разговор?

— Был праздник, я не помню сейчас, то ли майские, то ли 8 Марта, мы были все троём — Паша, мой сын, и муж Игорь. Разговаривали, супруг мне: «Ты что-то утаиваешь!» А я не знаю, как сказать, вот какой-то страх, а вдруг откажет, вдруг скажет: «Таня,

зачем нам это надо?» Я же понимаю, сейчас — либо «да», либо «нет».

И я ему рассказала, расплакалась. А Игорь говорит: «Ну, поехали, посмотрим». И мы собрались на следующий день к ним. А дети же знают, что я должна приехать, они бегут ко мне. Бегут, а муж спрашивает: «Эти?», я говорю: «Эти». Супруг: «Ну, ладно!» У меня великолепный муж, конечно, это мой тыл, это такая поддержка. «Ну, где один, там и трое», — вот это была фраза настоящего мужчины, то есть он много не разглагольствовал, сказал, и всё. И мы начали заниматься документами.

— Насколько сложным был процесс усыновления детей?

— Процесс этот, конечно, серьёзный. И правильно, что так всё. Знаете, когда ты его проходишь, думаешь, зачем эти справки? Вот они меня проверяют, а я, вроде, такая вся уже положительная. На тот момент работала заместителем директора в детском комплексе «Родник» со Светланой Владимировной Будкиной. Мы с мужем проходили этот этап «становления» приёмными родителями, наверное, одни из первых, потому что тогда вступил в силу закон прохождения кандидатов в них школы приёмных родителей. Тоже, знаете, у меня тогда уже было высшее педагогическое образование, свой сын-подросток, с детьми работала, и поэтому я возмущалась: «Ну, чему меня могут научить?» И я прямо негодовала! Негодовала, наверное, почему? Потому что мне хотелось скорее детей забрать из «системы», хотелось, чтобы они получили уже семейный быт, попали в семью. И, наверное, я торопила эти события, но сейчас понимаю, что это время нужно было для нас, и эта школа — это прекрасная возможность, знаете, переосмыслить и оценить свои силы, возможности. Я очень, очень, ещё раз повторюсь, благодарна, что мы прошли эту школу. Вот кто из приёмных родителей сомневается, зачем им это надо — я считаю, что это очень нужная вещь.

— Поддерживали Ваше решение родственники?

— Да, и помогли нам. Помню, мы поехали в Смоленск, там родственники Игоря живут. Нам целый праздник устроили! Старались для Лолы и Андрея. Только вот мама моя сначала немного, конечно, подрастроилась. Она очень любила Пашу и боялась, что будет ему меньше внимания. Но видите, как всё сложилось! Наверное, в том возрасте Паша был, когда мне, действительно, надо было поменьше опекать его. Возможно, поэтому такой хороший, взрослый и мудрый ребёнок получился. Вот. Но и моя мама тоже всегда помогала, она просто далеко от нас жила.

— Насколько трудным был первый год приёмного родительства?

— Вообще, первый период был прекрасным. Детки появились у нас в семье почти на мой день рождения, у меня оно 28 февраля, а 27 числа мы их привезли домой. Нас учили, что первое время — это адаптивный такой период, и всякие моменты бывают, а у нас, наоборот, какой-то «конфетно-букетный» он был полгода. У нас такая любовь, такое взаимопонимание случилось, дети меня слушались и как-то влились сразу в семью. Мы много путешествовали в это время. Поехали по родственникам — они живут в разных городах, а летом уехали с детьми на юг. Мы пытались восполнить детям, наверное, то, чего у них не было. Ещё часто вспоминаю про наш волшебный коллектив в «Роднике». Когда мы праздновали Новый год в этом лагере, каждый сотрудник поздравил и подарил Лоле и Андрею подарок. Это было волшебно. То есть дети стояли у ёлки, и все выходили, дарили им подарки. Лола с Андреем были какие-то ошалелые, они не понимали, откуда столько подарков!

А потом, после усыновления, конечно, возникали разные периоды, потому что дети выросли, и иногда были непростые моменты, были недопонимания.

— В каком возрасте, получается, Лола с Андреем уже официально стали частью Вашей семьи?

— Лоле было 11 лет, Андрею — 7 лет. Он был на тот момент с отставанием в развитии. Сейчас об этом даже можно и не вспоминать. Но тогда он выглядел на 5 лет, не больше. И по физическому, и по умственному развитию, он, конечно, был ещё дошкольник. Хотя и пошёл в первый класс. Лола, наоборот, выглядела как-то постарше, и она позже пошла в школу. Но задержка в развитии, конечно, была видна. Дети были не подготовлены к школе. И тогда было мной принято решение пойти работать учителем в школу №20, мы её с детьми и окончили. Не могу сказать, что с большим успехом. Но мы окончили! Андрюшка у меня окончил нормальную, общеобразовательную школу, хотя мне все сначала говорили, вы не правы, Татьяна Александровна, его надо учить в специализированной школе. Но, знаете, я, наверное, все-таки, вот... Ну, я прямо мамой стала, не воспитателем. Да, потому что мне было не всё равно, как дети пойдут дальше в жизнь, после 18 лет. Как они будут в социуме жить, получат ли они профессию? Для меня это было очень важно.

— Были периоды, может, возраст, когда возникали сложности в общении с детьми?

— Ну, пубертатный период, конечно, мы проходили непросто. Особенно, как Лолой. Кровь горячая, она немного восточного темперамента. Ей хотелось всего и сразу, и рано сильно. И, конечно, у нас были конфлик-